

Глава 18

Густая, почти осязаемая мрачность во взгляде Жун Цзю сменилась ослепительной улыбкой. На фоне холодной бледности кожи его тёмные глаза, неподвижно устремлённые на Цзинчжэ, казались двумя безднами.

Красота Жун Цзю была хищной, агрессивной. Подобно опасному зверю, он одним своим приближением захватывал всё пространство, заставляя смотреть прямо на себя, в эпицентр этой сокрушительной мощи. Это была первобытная, дикая жажда битвы, горевшая в его крови.

Цзинчжэ, словно мотылёк, летящий на пламя, всегда безрассудно устремлялся к ярким краскам.

Но даже мотылёк чувствует опасность.

Опасно.

Цзинчжэ слышал, как тихий, едва различимый голосок повторяет это слово. Прислушавшись, он понял, что это его собственное испуганное «я» кричит внутри.

Беги, беги...

Разум твердил одно, призывая развернуться и скрыться за узкой дверью. Но ноги словно вросли в землю, не желая двигаться. А может, он инстинктивно понимал, что бегство — это лишь способ подставить незащищённую спину под клыки хищника.

— Я... — с трудом выговорил Цзинчжэ, с удивлением отметив, как охрип его голос. — Не зная всех обстоятельств, я не могу судить, прав ты или нет.

Первое слово далось с трудом, но дальше стало легче, словно пробка вылетела из горла.

Цзинчжэ поджал губы. Его лицо, и без того бледное, стало почти белым.

— Я не могу судить о том, чего не знаю... — он сделал паузу, и голос его окреп. — Нет, не так. У меня в принципе нет права судить о поступках других.

Это было дело Жун Цзю.

Несмотря на внешнюю холодность, слова Цзинчжэ прозвучали искренне.

Жун Цзю улыбнулся, небрежно убирая свёрток за пазуху. Он достал платок и принялся

вытирать кровь с пальцев, но большая её часть уже засохла и не оттиралась.

Через мгновение Цзинчжэ пришёл в себя. Поколебавшись, он сказал:

— Подожди здесь.

Он вернулся в Северные покои и, повозившись немного, принёс деревянный таз с водой. Взяв у Жун Цзю платок, он намочил его и принялся аккуратно, палец за пальцем, оттирать кровь.

Ладони Жун Цзю были больше его собственных.

Намного больше.

Он и ростом был выше, и оттого в его присутствии всегда ощущалось лёгкое превосходство.

— Почему ты больше не боишься? — в его холодном голосе послышались насмешливые нотки.

— Я так и знал, что ты просто пугаешь меня... — пробормотал Цзинчжэ. От его недавнего напора у Цзинчжэ чуть дар речи не пропал. Он склонил голову набок, искоса взглянул на Жун Цзю и негромко хмыкнул. — Я ведь внёс плату за покровительство.

Целых двадцать лянов!

Глядя на его слегка самодовольный вид, Жун Цзю с сожалением подумал:

«Почему у него нет пушистых ушек? Так и хочется потереть».

***

В Управлении по надзору за дворцовыми залами не хватало людей — эту новость раздобыл Чжэн Хун. Это ведомство отвечало за уборку всех дворцов и галерей, и работа там была не из лёгких, куда тяжелее, чем в Северных покоях. Но если бы не недавние события во дворце Сюсю, срочного набора бы не было.

Обычно, если только не поступал приказ сверху, все перемещения слуг происходили в конце года, после аттестации. Именно тогда и заполнялись все вакансии.

Через два дня Чжэн Хун пришёл снова.

Цзинчжэ, всё обдумав, отправился к Чэнь Миндэ. Перевод зависел от его решения. Ведь если

Цзинчжэ уйдёт, в Северных покоях станет на одного человека меньше, а замену можно будет получить только в конце года.

Чэнь Миндэ согласился на удивление легко.

Более того, объявляя об этом, он представил всё так, будто это была его собственная идея. Остальным оставалось только молчать. Цзинчжэ был тронут. Чэнь Миндэ всегда относился к нему хорошо, но этот последний поступок...

Когда Цзинчжэ собирал свои вещи, Минъюй не отходил от него ни на шаг, что-то без умолку болтая.

О своём уходе Цзинчжэ никому не говорил. Минъюй крепко держал язык за зубами и теперь, когда всё решилось, искренне радовался за друга.

Цзинчжэ шепнул ему на ухо, что переезжает не сразу. В Управлении сейчас была суматоха, и устраивать быт новых слуг было некогда. Чэнь Миндэ договорился, что Цзинчжэ пока будет ночевать в Северных покоях, пока там всё не утрясётся.

— А ты не испортишь с ними отношения из-за этого? — забеспокоился Минъюй.

— Ничего страшного, — спокойно ответил Цзинчжэ.

Он шёл туда не за этим.

Вскоре Цзинчжэ официально явился в Управление по надзору за дворцовыми залами. Представившись евнуху-хранителю печати, цяньшу и чжансы, он был направлен во дворец Сюсю.

Каждое утро приходилось вставать ещё раньше, чем в Северных покоях, чтобы успеть с уборкой.

Через несколько дней Цзинчжэ изучил расположение дворца Сюсю и нашёл то место, о котором писала Цайжэнь Яо.

За боковым залом, у тропинки, восьмая по счёту синяя плитка.

Она не обманула.

Однако, убедившись в этом, Цзинчжэ не стал торопиться. Даже когда поблизости никого не было, он сдерживал себя.

Ещё через несколько дней, вернувшись на отдых в Северные покои, он снова шептался с Миньюем.

Чаншоу тоже ушёл.

Во дворец Чэнхуань.

Лицо Цзинчжэ изменилось.

— Ты уверен, что во дворец Чэнхуань?

Миньюй кивнул.

— Я спросил его, в чём дело, а он ответил, что нашёл свой путь. Даже вещи свои днём перенёс.

Цзинчжэ нахмурился, его охватило необъяснимое беспокойство. Дворец Чэнхуань был опасным местом. И слова Цю И, и интриги Бинь Сюй — всё это напоминало логово дракона. Зачем Чаншоу туда пошёл? Сейчас они могли только гадать.

Закончив с новостями, Миньюй принялся гладить ладонь Цзинчжэ.

— Почему они стали ещё грубее? — с жалостью проговорил он.

— Это же уборка, конечно, работа тяжелее, — улыбнулся Цзинчжэ. — В наших Северных покоях, хоть и тихо, но на самом деле не так уж плохо.

Главное, что здешние госпожи не могли ими помыкать. Цзинчжэ и так был самым усердным в Северных покоях.

Миньюй что-то пробормотал, но мыслей об уходе у него пока не возникало. Он решил подумать об этом в конце года.

Уход Чаншоу, в отличие от ухода Цзинчжэ, был окончательным, поэтому вскоре в Северных покоях появился новичок с приветливой улыбкой. Чэнь Миндэ назвал его Лидуном.

В то время как в других местах не хватало людей, вакансия в Северных покоях заполнилась на удивление быстро... Цзинчжэ опустил глаза. Иногда сталкиваясь с Лидуном, он вежливо здоровался, но в разговоры не вступал.

К тому времени он проработал в Управлении уже больше полумесяца и хорошо освоился с уборкой во дворце Сюсю.

В других местах, закончив работу, слуги уходили отдыхать. Но во дворце Сюсю было иначе. Здесь жили многочисленные кандидатки, прибывшие на смотр. Приставленные к ним слуги были назначены уже во дворце, и часто одной служанке приходилось прислуживать двум господам. Иногда им требовались помощники для мелких поручений, и тогда чжансы Управления приказывал им оставаться во дворце Сюсю до заката.

Так продолжалось некоторое время, а затем во дворце Сюсю стало шумно.

Настал день первого отбора.

То, что было по прибытии во дворец, отбором не считалось — лишь медицинский осмотр. Теперь же, когда девушки освоились с дворцовыми правилами, начался настоящий отбор.

Три-четыре дня во дворце Сюсю не утихал гомон. Те, кому оставили бирку, сияли от счастья. Те, кому отказали, рыдали, собирая вещи для отъезда. В этом им, конечно, помогали такие евнухи, как Цзинчжэ.

Именно во время этого отбора Цзинчжэ наконец узнал, кто такая Хуан Ицзе.

Фамилия Хуан.

Родственница Вдовствующей императрицы. Естественно, она жила в лучших покоях, и при ней были две служанки. Другие завидовали, но молчали.

Хуан Ицзе была красива, но не той броской красотой, что ослепляет с первого взгляда. Её прелесть раскрывалась постепенно. Говорили, у неё хороший характер, и слуги, выполнявшие её поручения, всегда получали вознаграждение.

Неудивительно, что ей оставили бирку.

Цзинчжэ запомнил её лицо и вернулся к своей работе.

В тот день, закончив дела, он прибрал инструменты и пошёл умыться. Стоявший рядом евнух по имени Гушэн лениво переговаривался с ним.

Отношения Цзинчжэ с другими слугами Управления были сносными. В основном он общался с такими же мелкими евнухами, как он сам, и поводов для ссор было мало. К тому же он ещё не переехал, и редкие встречи сводили трения к минимуму.

В этот момент подошёл Юнькуй, убиравший снаружи дворца Сюсю, и шепнул:

— Тебя ищут.

Цзинчжэ замер. В Северных покоях — это одно, но здесь... кто мог его искать?

С сомнением он вышел наружу. Гушэн из любопытства поплёлся за ним. В предрассветной туманной дымке у дворцовой дороги действительно стоял молодой евнух. Его одежда отличалась от их — это была форма евнуха третьего ранга.

Те, у кого не было ранга, как у Цзинчжэ, назывались «внутренними прислужниками». Только получив ранг, можно было называться «евнухом». Но со временем эти различия стёрлись.

Сначала Цзинчжэ обратил внимание на одежду, а потом узнал и самого евнуха. Это был Чаншоу.

Он перешёл во дворец Чэнхуань, где еда и условия должны были быть лучше, чем в Северных покоях. Но почему-то он выглядел худее и бледнее прежнего.

— Чаншоу, ты болен? — удивился Цзинчжэ.

Чаншоу облизнул пересохшие губы, покачал головой и, схватив Цзинчжэ, оттащил его в сторону. Гушэн тактично отстал.

Цзинчжэ почувствовал, как сильно Чаншоу сжимает его руку, словно пытаясь раздробить кости. Он нахмурился от боли.

— Чаншоу, ты...

— Цю И мертва.

Слова прозвучали резко и неожиданно.

Цзинчжэ застыл.

Чаншоу нервно уставился на него, следя за реакцией. Его губы дрожали.

— Ты знал, ты точно знал... Это она тогда приходила к тебе в Северные покои. Она мертва. Ты знаешь, что она умерла в тот же день, как пришла к тебе...

Цзинчжэ, забыв о боли, поспешно спросил:

— Как она умерла?

Он помнил страх в глазах Цю И. Пусть она и пришла тогда по чьему-то наущению, но умереть в тот же день?

— На дороге столкнулась со знатной особой и была убита на месте.

Цзинчжэ на мгновение растерялся. Чаншоу с силой вцепился в его рукав.

— А тот стражник, что вечно к тебе ходит? У него ведь в тот день руки были в крови, да? Я слышал от Цитуюя, ты вытирал ему кровь! Ты знаешь, что это он мог её убить!

Цзинчжэ инстинктивно вырвался.

— Невозможно, он в тот день сказал...

Что он сказал?

«По дороге сюда увидел, что подчинённый не справился с работой, и решил сам всё уладить».

Это было в тот же день. Одно следовало за другим. И... он убил человека.

Чаншоу, проживший с Цзинчжэ несколько лет, прекрасно понял его реакцию. Он холодно усмехнулся.

— Ты и сам в это не веришь, да?

Цзинчжэ резко поднял глаза. Его тёмные, как чернила, зрачки впились в лицо Чаншоу.

— Ты и месяца не пробыл во дворце Чэнхуань, а уже считаешь себя своим? В каком праве ты меня допрашиваешь? С чего ты взял, что это меня касается?

— Ты!

— Откуда Бинь Сюй узнала о Жун Цзю? Ты ей рассказал? И если Цю И убили, столкнувшись со знатной особой, или её убил Жун Цзю, почему Бинь Сюй не пойдёт жаловаться или разбираться с ним? Зачем она использует такие дешёвые трюки и посылает тебя ко мне? — Цзинчжэ никогда не был так зол. — Что, я такая важная персона, чтобы удостоиться такой чести?!

— Кто сказал, что меня послала Бинь Сюй?! — вспылил Чаншоу.

Цзинчжэ с трудом подавил ярость.

— Ты меня знаешь, но и я тебя знаю. Чаншоу, ты не злой человек, но своего не упустишь. Стал бы ты заступаться за служанку, которую даже не знал?

Услышав такой упрёк, Чаншоу отшатнулся и со злостью отдернул руку.

— А Бинь Сюй так в тебе уверена! А ты... Если бы Цю И не пошла к тебе, с ней бы ничего не случилось! Бинь Сюй потеряла верную служанку, а ты, зная причину, не хочешь...

Цзинчжэ, не желая больше спорить, развернулся и пошёл обратно во дворец Сюю.

Чаншоу не посмел его преследовать.

Цзинчжэ знал, что люди меняются, но не думал, что так быстро. И почему Бинь Сюй, казавшаяся такой рассудительной, вдруг прибегла к такому низкому приёму, послав в качестве гонца Чаншоу? Неужели не боялась, что он всё испортит?

Гушэн догнал его и с любопытством спросил:

— Что это вы так повздорили?

Он недолго знал Цзинчжэ, но уже понял, что тот — человек спокойный. Чтобы довести его до такого, должно было случиться что-то серьёзное.

Цзинчжэ вздохнул и ответил, что они раньше служили вместе, а теперь, оказавшись в разных местах, разошлись во взглядах.

Уже светало. Госпожи просыпались, приводили себя в порядок, отдыхали в своих покоях или болтали друг с другом.

Погрузившись в работу, Цзинчжэ на время забыл о разговоре, но стоило появиться свободной минуте, как слова Чаншоу снова всплыли в памяти.

Он вздохнул. Если бы он сдержался и поговорил спокойно, всё было бы иначе. Но он поссорился, и теперь болтливый Чаншоу наверняка всё переверёт. Это означало, что он окончательно настроил против себя Бинь Сюй.

Впрочем, он и так уже оскорбил её, отказавшись от её предложения и перейдя в Управление.

Возможно, и визит Цю И был подстроен Бинь Сюй. Цзинчжэ думал, что она просто вернулась к себе, но оказалось, что она... умерла по дороге?

Чаншоу не посмел назвать имя, сказал лишь «знатная особа».

Но во всём дворце так безнаказанно убивать слуг могли лишь немногие... Неужели это был император?

Цю И столкнулась с императором?

Тогда почему Жун Цю... В последнее время он не патрулировал Северные покои. Может, он теперь служит при императоре?

И в тот день он убил... Цю И?

Мысли путались. Во второй половине дня, перенося вещи, он отвлёкся и прищемил палец. Тот тут же распух и покраснел.

По дороге домой он уныло разглядывал ушибленный палец.

Во дворце темнело быстро. Цзинчжэ, не заметив, налетел на кого-то и, вскрикнув, потёр ушибленный нос.

— Почему под ноги не смотришь?

Это был Жун Цю.

Услышав знакомый голос, Цзинчжэ поднял голову. В полумраке он с трудом разглядел, что Жун Цю одет не в форму стражника. За его спиной, понурив головы, стояли двое, но их одежда... казалось, это были евнухи... они стояли слишком далеко, и лиц было не разглядеть.

— Ничего. А ты что здесь делаешь?

Цзинчжэ шёл в Северные покои, а Жун Цю — со стороны Императорского сада на запад... куда это он?

Впрочем, подумав, он решил не лезть не в своё дело.

— По делам, — ровно ответил Жун Цю.

Голос был как всегда холоден. Цзинчжэ уже привык, но слова Чаншоу не выходили из головы. Он смотрел на руки Жун Цзю и думал о том, что они убили человека, которого он видел живым... но спросить так и не решился.

— Хочешь что-то сказать? — даже в темноте глаза Жун Цзю казались острыми. — Не мямли.

— Хотел спросить, но потом подумал, что у тебя свои причины. А я буду лезть с расспросами, только себя в глупое положение поставлю.

Он протянул слова, медленно покачал головой и махнул рукой.

— Раз занят, иди. А я в Северные покои.

Когда он проходил мимо, холодная рука схватила его за запястье, скользнула ниже и безошибочно сжала распухший палец.

— Ай! — Цзинчжэ забыл о приличиях. — Жун Цзю, что ты делаешь? Больно!

— Распух.

Слово прозвучало странно.

— Я уронил вещь, когда переносил, вот и ушиб. Ничего страшного.

Жун Цзю сжал сильнее. Цзинчжэ взвыл и сник.

Больно!

Отпустив его палец, Жун Цзю достал из-за пазухи пузырёк и бросил ему.

— Вернёшься — намажь. Два раза в день.

— Не нужно, у меня ещё осталось то, что ты давал раньше.

Жун Цзю хмыкнул, но, не слушая его, развернулся и ушёл. Двое позади него последовали за ним, так и не подняв голов.

Цзинчжэ с недоумением почесал щеку. Он что, обиделся?

Хотя хмыкнул он довольно приятно.

...Осознав, о чём думает, Цзинчжэ снова взвыл и поспешил прочь.

Иногда он сам себя не выносил!

***

От Императорского сада, через врата Сицин, по дворцовой дороге, и ещё немного вперёд — вот и дворец Чэнхуань. Он находился недалеко от дворца Сюсю, и при желании можно было даже услышать доносившийся оттуда шум.

Но сегодня во дворце Чэнхуань было светло как днём, ярче, чем где-либо ещё.

Причина была проста: прибыл император Цзинъюань.

Бинь Сюй давно не видела императора и, конечно, была вне себя от радости. Она приказала зажечь все фонари, чтобы угодить Его Величеству.

Император Цзинъюань был известен своим равнодушием к плотским утехам, он редко оставался у наложниц на ночь и редко выбирал их. Бинь Сюй до сих пор не удостоилась его близости. Но когда-то он несколько раз играл с ней в шахматы и, видимо, был ею доволен, потому что полмесяца подряд осыпал её дарами, и слава о ней гремела по всему гарему.

После смерти Цайжэнь Лю император долго не посещал задние покои, и его визит во дворец Чэнхуань был для Бинь Сюй настоящим праздником.

Император сел и молчал. Бинь Сюй, привыкшая к этому, подала ему чай и, улыбаясь, завела разговор о шахматах.

— Если бы мы играли сейчас, я бы не проиграла Вашему Величеству столько фигур.

— В последнее время я больше упражнялся в верховой езде и стрельбе из лука, так что в шахматах, должно быть, ослаб, — небрежно бросил император. — Может, Бинь Сюй составит мне компанию в стрельбе?

Улыбка застыла на лице Бинь Сюй. По спине пробежал холодок.

— Как... как Ваше Величество желает поупражняться?

Император поднял глаза. Его взгляд скользнул по слугам, замершим во дворце, и остановился

на маленьком евнухе, дрожавшем у ворот.

Чаншоу не смел поднять головы, но, услышав знакомый голос, инстинктивно взглянул и встретился с ледяным взглядом императора. От ужаса у него подкосились колени, и он рухнул на землю.

Как... как это возможно... это лицо...

Император лениво изогнул бровь.

— Пожалуй, он подойдёт.

Чаншоу хотел закричать, моля о пощаде, но подбежавшие евнухи зажали ему рот и оттащили во двор. Дворец Чэнхуань, залитый светом фонарей, был ярок, как днём.

Император взял у Нин Хунжу лук и стрелы и, взглянув на побледневшее лицо Бинь Сюй, улыбнулся.

— Не бойся, Бинь Сюй. Я неважный стрелок, просто хочу поупражняться.

С этими словами он наложил стрелу. Острый наконечник взлетел...

Раздался глухой звук — стрела не попала в яблоко.

Она вонзилась в бедро Чаншоу. Тот, с кляпом во рту, не мог даже закричать.

Император вздохнул.

— И вправду, навык потерял.

Бинь Сюй, стоявшая на галерее, побледнела. Она с такой силой сцепила руки, что костяшки побелели. Почему Его Величество вдруг так взбесился?

Свист, свист, свист...

Одна за другой стрелы летели мимо цели.

Чаншоу был весь в крови.

— Ваше Величество, может, дело в слуге? Позвольте заменить его? — предложил Нин Хунжу.

Император, потеряв интерес, поднял бровь. Его взгляд лениво скользнул по слугам и остановился на Чуньянь.

До этого Бинь Сюй сдерживалась, но когда выбор пал на Чуньянь, она не выдержала и шагнула вперёд.

— Ваше Величество, Чуньянь со мной с самого детства, она мне как сестра. Умоляю, будьте милосердны... — она не договорила, прикусив язык.

Острый наконечник стрелы был направлен ей в глаз.

Пальцы императора лежали на тетиве. В его тёмных, как смоль, глазах плескалась неприкрытая злоба.

Он медленно улыбнулся, как свирепый зверь.

— Хочешь занять её место?

В этих простых словах таилось предвкушение. Словно в следующую секунду он, не раздумывая, пронзит её стрелой.

<http://bllate.org/book/16993/1584823>